

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Политическая лингвистика. 2025. № 3 (111).

Political Linguistics. 2025. No 3 (111).

УДК 811.161.1'272

ББК Ш141.12-006.21+Ш121

ГРНТИ 16.31.02

Код ВАК 5.9.8

Мария Николаевна Федулова

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ, Москва, Россия,

mfedulova@mail.ru, SPIN-код: 2769-7670

Языковая политика современной России в контексте вопросов национальной безопасности

АННОТАЦИЯ. Настоящая статья посвящена вопросам языкового суверенитета как неотъемлемой части национальной безопасности нашей страны. В период проведения специальной военной операции, продолжающегося информационного противоборства очевидным является факт многообразия методов воздействия на подрыв и разрушение ценностных ориентиров российского общества. Увеличившееся за последние годы количество употребляемых заимствований (англицизмов) вызывает глубокое беспокойство, так как систематическое их использование способствует восприятию действительности через призму чужих культурных норм, привитию чуждых духовно-нравственных ценностей и постепенному изменению и исчезновению языка, а в последующем и культуры. Язык является неотъемлемой частью культуры, он живет жизнью культуры, отражая в себе ее импульсы, и поэтому язык как хранитель культурно-исторического опыта нации должен быть объектом особого внимания общества и государства. Для сохранения языкового суверенитета в сложившихся условиях государство должно проводить правильную языковую политику, для понимания значения которой автор обращается к историческому опыту решения возникавших в этой области проблем, анализирует предлагаемые различными исследователями определения, а также содержание современных законодательных актов, регулирующих область языковой политики. На основе анализа всего материала автор предлагает свое определение понятия «языковая политика».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая лингвистика, языковая политика, российское общество, национальная безопасность, языковой суверенитет, лингвистический суверенитет, ментальность, идеологическая борьба, политическая идеология, система ценностей, ценностные ориентации, заимствования.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Федулова Мария Николаевна, доктор филологических наук, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры языкознания и литературы, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ; 111033, Россия, г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 14; email: mfedulova@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Федулова, М. Н. Языковая политика современной России в контексте вопросов национальной безопасности / М. Н. Федулова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 3 (111). — С. 12-18.

Mariya N. Fedulova

Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia, mfedulova@mail.ru, SPIN code: 2769-7670

Language Policy of Modern Russia Within the Context of National Security Issues

ABSTRACT. This article deals with the issues of linguistic sovereignty as an integral part of the national security of our country. During the special military operation and the ongoing information confrontation, the fact of a diversity of methods aimed to influence the process of undermining and destroying the values of the Russian society is obvious. The growing number of linguistic borrowings (Anglicisms) causes deep concern because their systematic use stimulates the perception of reality through the prism of other peoples' cultural norms, the propagation of alien spiritual and moral values and the gradual change and disappearance of language and culture. Language is an integral part of culture, it lives the life of culture, reflecting its impulses and, therefore, language as a keeper of the cultural and historical experience of the nation should be the object of special attention of the society and the state. In order to preserve linguistic sovereignty under the present conditions, the state must pursue a correct language policy. To adequately understand the significance of this policy, the author of the article turns to the historical experience of solving problems in this field in the past, analyzes the definitions suggested by various researchers, as well as the content of the modern legislation that regulates the sphere of language policy. Based on the analysis of the whole material under study, the author puts forward her own definition of the concept of "language policy".

KEYWORDS: political linguistics, language policy, Russian society, national security, linguistic sovereignty, mentality, ideological struggle, political ideology, system of values, value-based orientations, borrowings.

AUTHOR'S INFORMATION: Fedulova Mariya Nikolaevna, Doctor of Philology, Candidate of Law, Associate Professor, Head of Department of Linguistics and Literature, Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia.

FOR CITATION: Fedulova M. N. (2025). Language Policy of Modern Russia Within the Context of National Security Issues. In *Political Linguistics*. No 3 (111), pp. 12-18. (In Russ.).

Величие России в ее суверенитете.

Президент РФ В. В. Путин

Russia's greatness in its sovereignty.

President of the Russian Federation Vladimir V. Putin

В условиях «ментальной войны», агрессивного информационного воздействия, направленного на разрушение всех сфер жизни российского общества, важным является каждое слово. Опора на язык, как критерий национальной картины мира и основной маркер идентичности, должна быть предметом особого внимания, имея в виду перспективу самосохранения языка как важнейшей части национальной культуры, понимая язык как исходный пункт противостояния факторам разрушения нашей культурной идентичности и десоверенизации нашего государства. В слове отражается ментальность народа, под которой, как правило, подразумевают «совокупность знаний, умений, нравственных установок и образ мыслительных навыков конкретной личности, народности, нации, этнической общности, то есть духовную обусловленность этноса, его мировоззрение и мировосприятие» [Фролов 2009: 12].

Ведущая роль языка в жизни общества в целом и каждого человека отдельно не вызывает сомнений. Реализуется она «не столько через прямое насилие, сколько через субъективные предписания (индоктринацию): семейные установки, систему образования, медиа, научно-бюрократические классификации, языковую политику, включая правовые нормы» [Тишков 2000: 345], которые в последние десятилетия подверглись агрессивному влиянию. Концептуализирующее влияние языка представляет объект внимания как западных (П. Бурдьё, Р. Бларк, Т. Ван Дейк и др.), так и отечественных (Г. В. Колшанский, В. М. Алпатов, А. С. Панагин, И. А. Стернин, В. А. Тишков и др.) исследователей в контексте философского, социологического, политического и лингвистического дискурсов. Именно механизмы языка как инструмента достижения целей информационного противоборства в сложившихся условиях могут считаться частью языковой политики и стратегическим ресурсом обеспечения национальной безопасности государства в пространстве идеологического противостояния. Очевидным является тот факт, что более эффективного результата в идеологической борьбе можно достичь, если «завладеть умом» противника, а не захватом территории. Поэтому страны Запада во главе с США, в своем стремлении полу-

чить преимущество в когнитивно-ментальной сфере и построить однополярный мир, предпринимали и предпринимает различные способы идеологического воздействия, в том числе определенную тактику и стратегию языковой политики, направленную на изменение системы традиционных ценностей, разрушение, стирание из памяти сложившихся веками традиционных укладов жизни, культурных кодов. «Например, в отношении людей, проживающих на территории Украины и в прибалтийских государствах, для которых русский являлся и является родным языком, последовательно проводится дискриминация во всех сферах жизни. Власти этих государств последовательно узаконивают эту дискриминацию, запрещая русский язык, поощряя дальнейшие гонения русскоязычного населения. Коллективный Запад стремится создать все условия для „реконцептуализации понятийной основы конструктивных идеологий развития и базовых общественных ценностей“» [Хабарова 2024: 104]. История, традиции, национальные ценности выступают факторами культурного суверенитета в общественном сознании, и именно они мыслятся противником как объект для разрушающего воздействия, так как являются основным препятствием в его стремлении к «глобальной гегемонии», поэтому Запад активно использует «технологии обеспечения гегемонии над миром через тотальный контроль за информационным полем и навыками восприятия мира» [Ильницкий 2024: 5 (а)].

Так, в основном документе, определяющем проблемы в сфере национальной безопасности США, «Стратегия национальной безопасности США», Россия объявляется непосредственной и постоянной угрозой для региональной безопасности в Европе, является источником разрушений и нестабильности во всем мире. «*Russia poses an immediate and outgoing threat to the regional security order in Europe...*», а суверенные государства объявляются врагом цивилизованного мира — «*The most pressing strategic challenge facing our vision is from powers that layer authoritarian governance with are visionist foreign policy*» [The 2022 National Security Strategy. URL: [13](https://common.usembassy.gov/wp-content/uploads/sites/54/2022/10/Biden-Harris-</p>
</div>
<div data-bbox=)

Administration-National-security-Strategy-10/2022/pdf. Pg.8. Дата обращения: 3.02.2025].

На одном из первых мест среди таких авторитарных государств находится Россия, как страна, защищающая традиционные ценностные ориентиры, являющиеся источником и основой ее суверенитета. Необходимо отметить, что российский суверенитет в области языка и культуры, в отличие от суверенитета США, не предполагает подавление национально-языковой идентичности и культурного суверенитета других народов, а, напротив, мыслится как часть сохраняющегося разнообразия языков и культур в мире.

Поэтому роль и значение языковой политики как инструмента для сохранения суверенитета нашей страны в условиях глубокого противостояния с Западом обретают особую остроту и требуют внимательного отношения. Это обстоятельство во многом определяет вопросы стратегии и тактики языковой политики нашего государства.

Как видно, сфера влияния языковой политики достаточно широка, поэтому подходы к определению этого термина различные. Так, в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» под языковой политикой понимается «совокупность идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в социуме, государстве» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 616]. Языковая политика, в понимании А. Д. Швейцера, — это «совокупность мер, принимаемых государством, партией, классом, общественной группировкой для изменения или сохранения существующего функционального распределения языков или языковых подсистем, для введения новых или сохранения употребляющихся лингвистических норм» [Швейцер 1978: 117]. Французский исследователь Л.-Ж. Руссо считает, что языковая политика — это «любые решения, принимаемые государством или любым другим имеющим на это право социальным органом, направленные на использование одного или нескольких языков на данной территории, реальной или виртуальной, и регламентирование его или их употребления» [Руссо 2007: 97]. По мнению В. А. Аврорина, «...языковая политика – система мер сознательного регулирующего воздействия на функциональную сторону языка, а через ее посредство, в известной мере, также и на его структуру...» [Аврорин 1970: 10]. Более широкое определение дает Л. Б. Никольский, согласно которому языковая политика — это «...совокупность мер, принимаемых для изменения или сохранения существующего функционального распределения языков или форм существова-

ния языка для введения новых или консервации употребляющихся языковых норм» [Никольский 1976: 56].

Различные подходы к определению языковой политики государства влекут неоднозначность его понимания. Для более правильного понимания, что же такое государственная языковая политика, а также принятия правильных и обоснованных решений в этой области, будет полезно обратиться к ретроспективе вариантов векторов развития языковой политики в России. Можно выделить несколько базовых вариантов. Первый вариант, наименее затратный для государства, но при этом приводящий к максимально разрушительным последствиям, — это отсутствие эксплицитно сформулированных мер языковой политики. Необходимо понимать, что узус языка в любом случае будет меняться, развитие и подстраивание под текущие реалии, генерация новых номинаций и идиом и их «отмирание» будут идти, независимо от того, принимает или нет государство участие в этом процессе. Отсутствие регуляции может привести к неконтролируемому наполнению языка, например, заимствованиями. Так, в истории русского языка 1990-х — 2000-х гг. был период, когда в законодательстве полностью отсутствовали какие-либо регулятивные моменты в отношении языка и заимствованные из английского языка лексемы использовались в том числе в тех случаях, когда их применение было избыточным. Впрочем, русский язык несколько раз переживал массированное воздействие заимствований — из немецкого языка при Петре I, из французского языка в конце XVIII — начале XIX века, из английского в конце XX столетия, — и во всех случаях стихийно возникало оппозиционное общественное движение, призывавшее обратиться к истокам и опираться на исконные русские слова. В отношении заимствований разумные ограничения могут опираться на идею сбалансированности языка: засилие заимствований столь же неестественно, как и тотальный языковой пуризм.

Противоположным вектором развития языковой политики является прямое одобрение и поощрение на законодательном уровне определенных тенденций в языке, характерное, например, для языковой политики Российской империи периода контрреформ Александра III, когда, в частности, государство строго контролировало вопросы начального школьного образования, в том числе в части изучаемых текстов и допускаемых учебников и преподавателей. Языковая политика этого периода была сугубо консервативна и направлена на сохранение

текущего состояния языка, максимально враждебна к внедрению нового. Конкретными мерами, к которым прибегает государство для реализации этого направления, становится жесткий контроль читаемых произведений как на уровне школы, так и на уровне взрослой читающей публики, контролирование публикаций в журналах, вплоть до вычеркивания определенных слов и словосочетаний. Реакцией на эти меры со стороны населения стало подпольное распространение произведений в рукописном формате (схожую тенденцию можем наблюдать в СССР в послевоенный период, когда был широко распространен «самиздат» и произведения, запрещенные к открытой публикации, перепечатывались на пишущих машинках либо тайно ввозились в страну в зарубежных изданиях).

Одной из наиболее острых проблем в настоящее время в свете агрессивного воздействия Запада является использование неоправданно большого количества англицизмов и американизмов. Так, например, часто употребляемое слово в русском языке «фейк» от английского «fake», что означает «ложь», очень плотно вошло в лексикон россиян; в речи подростков мы можем услышать слова «байтить», то есть «манипулировать, подстрекать, провоцировать», от английского слова «bait» — «приманка»; «тича» — учитель — от английского «teacher»; слово «кринж», от английского «to cringe» — «стесняться, смущаться, испытывать неловкость», означает нечто неприятное, вызывающее чувство отвращения или стыда; «фолловер», от английского «follower» — «последователь, подписчик в Сети» (глагол to follow smb. означает «следовать за кем-либо»); «чилить» означает «отдыхать» — от английского «to chill out». Нельзя не упомянуть о часто употребляемой прямой кальке с английского «road map», что означает «дорожная карта». В XX в. это выражение изначально применялась для обозначения дорог путешественниками, впоследствии в американском английском выражение «road map» стало обозначать любой график, план действий какого-либо мероприятия. Именно в таком значении оно употребляется сейчас в русском языке, несмотря на наличие полноценного аналога.

Необходимо отметить, что употребление английских заимствований плотно вошло в лексикон политической и творческой элиты нашей страны, что фиксируется в средствах

массовой информации. Употребление заимствованной лексики в речи именно на высоком государственном уровне и в творческих кругах формирует у населения ложное представление о правильности, об эталонности речи и служит образцом для подражания. Так, например, известный политик Д. Медведев употребляет в своей профессиональной речи следующие англицизмы: *истеблишмент*, *мейнстрим*, *клинч*. «Давайте сейчас, допустим, в законе будем описывать, что такое пресловутый *блок-чейн*. Это очень сложная тема...»¹; «...без полноценной, достаточно длительной зарядки невозможно быть подготовленным к работе в режиме *нон-стоп* весь день...»². В целях языковой экономии политик часто использует англоязычные заимствования, объясняет сложные экономические, политические понятия меньшим количеством языковых средств. Так, например, известный российский кинорежиссер, сценарист, телеведущий Н. С. Михалков в интервью Первому телеканалу о прибыли за прокат новых фильмов употребил слово «box-office», тогда как есть всем известный эквивалент этого слова на русском языке — «кассовый сбор»³. Таких примеров, к сожалению, немало.

Употребление определенной заимствованной лексики постепенно приводит к «перестроению» общества и, как следствие, изменению ценностных ориентиров, что и является целью манипулятора. «Пользуясь языковыми выражениями, содержащими неявные смыслы, человек, сам того не замечая, принимает и заключенный в них взгляд на мир» [Зимина, Рус-Брюшнина 2009: 9]. Чрезмерное употребление английских заимствований на всех уровнях, особенно политической элитой, представителями творческой интеллигенции в средствах массовой информации навязывает своим гражданам нередко чуждые им духовно-нравственные ценности, убеждения и принципы. Регулярное использование в речи определенных заимствований может постепенно формировать восприятие действительности через призму иностранных культурных стандартов, а также прививать чуждые нашей культуре ценности. Произнесенное, прочитанное или услышанное слово формирует определенную ментальность, а ментальность, то есть различные ментальные явления-понятия в свою очередь приобретают лингвистическую форму в виде слова. До конца этот механизм взаимного

¹ Интервью Д. А. Медведева телеканалу «Россия 24», 11 сентября 2019 г.

² Интервью российским телеканалам, 5 декабря 2019 г.

³ Видеофрагмент. <https://www.1tv.ru/news/issue/2025-01-31/21:00#1>.

проникновения и вовлечения в систему других культурных ценностей не изучен, но на сегодняшний день он представляет собой эффективный инструмент вербальной персуазии на восприятие адресата. По мнению Л. Н. Синельниковой, «информационная война — прежде всего вербальная война <...> война знаков как война дискурсов» [Синельникова 2014: 99]. Именно влияние речи, способное воздействовать на эмоциональную сферу, является доминирующим оружием в эпоху глобальных информационных войн. Заимствование обладает манипулятивной функцией, под которой следует понимать психологическое воздействие на человека, целью которого является достижение перлюкутивного эффекта: адресат будет совершать действие в интересах адресанта. «Манипуляционное (скрытое) информационно-психологическое воздействие на массового адресата выступает в качестве наиболее эффективного инструмента индоктринации, реализуемого в интердискурсивном пространстве СМИ коллективного Запада» [Хабарова 2024: 104]. Под влиянием языка происходит формирование и последующее возможное целенаправленное изменение общественного мнения, внедрение определенных идей, образов, ассоциаций, стереотипов, которые могут существенно трансформировать картину мира адресата, переформатировать его и сформировать у него систему, разрушающую культурные ценности [Игнатьева, Локонова 2023: 20]. Как справедливо отмечает А. М. Ильницкий, идет «ментальная война»: «Это технология обеспечения гегемонии над миром через тотальный контроль за информационным полем и навыками восприятия мира. Более того, это война за умы и души, это война за слом воли и обнуление ценностного суверенитета противника. Это — ментальная война. Победой в МВ считается контроль над общественным сознанием, когда побежденная сторона не только утрачивает способность отстаивать свои ценности, но полностью ассимилирует чуждые и „фальшивые“ для нее установки, которые навязал победитель» [Ильницкий. URL: <https://www.pnp.ru/politics/antikhris-kak-tehnologiya.html>. Дата обращения: 02.04.2025 (6)].

Поэтому нужно с крайней осторожностью относиться к употреблению заимствований, в данном случае англицизмов, так как их использование служит средством внедрения ценностей и приоритетных целей Запада, в первую очередь интересов англосаксонских

народов. Однако необходимо отметить, что целью языковой политики России должно быть не только сохранение русского языка, но и сохранение культурного многообразия в мире. Именно такая политика получает одобрение и поддержку на международном уровне¹. Меры государственной языковой политики должны быть направлены как на сохранение русского языка, с учетом анализа происходящих в языке изменений и прогноза их отрицательного и/или положительного воздействия на систему ценностей нашего народа, так и на поддержание баланса в культурном многообразии. Важно учитывать, что Россия является многонациональным государством и в своей внутренней языковой политике должна решать непростую задачу по поддержанию внутреннего баланса в языковом многообразии: с одной стороны, сохранять и развивать русский язык как государствообразующую функцию, а с другой — поддерживать право проживающих на ее территории народов на сохранение и употребление своего национального языка. Разбалансированность в решении этой задачи, чрезмерная активность в отношении сохранения, поддержки и/или развития национальных языков приведет к разрушению языкового равновесия и, вероятно, в последующем государственной целостности [Соколова 2021]. Не стоит забывать и о том, что «язык является живой активно и динамично развивающейся системой и нарушение хода его свободного развития может привести к культурному упадку, распространению новояза» [Харазия 2023: 4]. Важно сохранить основной словарный фонд как базу словарного состава языка, обладающего устойчивостью и общенародностью, включающего жизненно важные понятия, а также грамматический строй языка. Основной словарный фонд должен давать языку основу для образования новых слов. Общенародность связана не только с вопросами языка, но и вопросами формирования в нем конструкций, внутренних систем [Сталин 1953].

В настоящее время языковая политика в России основывается на положениях Конституции РФ, законах «О языках народов РФ» (1991) и «О государственном языке» (2005), Концепции языковой политики Российской Федерации, а также осуществляется с помощью республиканских законов о языках в РФ. Указанные законы конструируют языковую ситуацию и актуализируют языковую политику. В соответствии с ст. 1 п. 1 Конституции Российской Федерации «госу-

¹ Десятый международный культурный форум «Объединенные культуры» (“United Cultures”), Санкт-Петербург, 11-14.09.2024. URL: <https://unitedcultures.ru>.

дарственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации»¹. В статье 1 п. 4 Федерального закона «О государственном языке» определено, что «Государственный язык Российской Федерации является языком, способствующим взаимопониманию, укреплению межнациональных связей народов Российской Федерации в едином многонациональном государстве»². Пункт 1 статьи 1 ФЗ «О государственном языке», так же как и Конституция РФ, определяет территориальное пространство применения русского языка — на всей ее территории, представляя ее как единое целое, связанное языковым фактором. Кроме того, важно отметить, что в ст. 1 п. 6 указанного федерального закона есть норма, запрещающая использование «слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка (в том числе нецензурной брани), за исключением общеупотребительных аналогов в русском языке»³. В Концепции государственной языковой политики, в разделе «Общие положения» «государственная языковая политика Российской Федерации» определена как «система стратегических приоритетов и совокупность мер нормативно-правового, организационно-управленческого, финансово-экономического, научного, кадрового и иного характера, реализуемых федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления при участии институтов гражданского общества, в целях обеспечения конституционных принципов, прав и свобод граждан Российской Федерации в языковой сфере, формирования единого коммуникативного пространства, сохранения и развития русского языка как государственного языка Российской Федерации и языка межнационального общения и родных языков народов Российской Федерации»⁴. Многие авторы, учитывая сложившуюся ситуацию в стране, справедливо используют определение из статьи 1 Закона РФ от 5.03.1992

№24464 «О безопасности». Так, в данной статье безопасность определяется как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз»⁵. Немаловажным является в настоящее время обсуждение и принятие Государственной думой в первом чтении законопроекта об ограничении использования англицизмов. Цель данного законопроекта заключается в защите русского языка и ограничении использования англицизмов в публичном пространстве страны, распространении и укреплении русского языка и культуры⁶.

Таким образом, анализ законов, формирующих в настоящее время языковую политику государства, подтверждает наличие и реализацию государственных мер, направленных на создание языкового суверенитета. Однако нормативно-правовая база не содержит точного определения понятия «языковой суверенитет», данное понятие не имеет законодательного закрепления и терминологического статуса.

Мы полагаем, что с учетом всех вышеизложенных определений и складывающейся современной ситуации в области информационного противостояния языковая политика нашего государства прежде всего должна быть гарантом обеспечения суверенитета русского языка, социальной, культурной и экономической защищенности страны. Языковая политика государства, по нашему мнению, представляет собой комплекс мер информационного воздействия разного уровня, формирующих механизм влияния как на функциональную, так и на структурную формы языка, на своевременный контроль внедрения новых языковых форм, а также норм, цель которых состоит в сохранении менталитета и национального суверенитета государства и противодействии разрушительному влиянию на базовые ценности российского общества. Эти меры должны вводиться в действие через региональное и федеральное законодательство, государство и/или иные организации, которые следят за их исполнением, принимая решения по результатам нарушения того или иного норматива. Реализация языковой политики должна зависеть не только от самой формулировки

¹ Конституция РФ: принята 12 декабря 1993 г. — Москва : Юрист, 2012. — 48 с.

² Федеральный закон «О государственном языке» // Собрание законодательства РФ. №23, 06.06.2005, ст. 2199.

³ Там же.

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 12.06.2024 г. №1481-р «Об утверждении Концепции государственной языковой политики».

⁵ Закон РФ от 05.03.1992 №2446-1 (ред. от 26.06.2008 г.) «О безопасности».

⁶ URL: <http://www.rbc.ru/politics/11/02/2025>.

регулирующей нормы, но и от реакции официальных инстанций на отступление от нее.

ИСТОЧНИКИ

1. Лингвистический энциклопедический словарь. — Москва : Советская энциклопедия, 1990. — 682 с. — Текст : непосредственный.
2. The 2022 National Security Strategy. — URL: <https://common.usembassy.gov/wpcontent/uploads/sites/54/2022/10/Biden-Harris-Administration-National-security-Strategy-10/2022/pdf>. — pg.8 (date of access: 3.02.2025).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аврорин, В. А. Ленинские принципы языковой политики / В. А. Аврорин. — Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. — Москва : Наука, 1970. — № 2. — С. 6–16.
2. Игнатова, И. Г. Способы скрытого языкового воздействия на сознание (на примере печатных текстов СМИ политического характера) / И. Г. Игнатова, А. Е. Локонова. — Текст : непосредственный // Казанская наука. — 2023. — № 6. — С. 20.
3. Ильницкий, А. М. Цивилизационные аспекты ментальной войны / А. М. Ильницкий. — Текст : непосредственный // Военный академический журнал. — 2024 (а). — № 1. — С. 5–10.
4. Ильницкий, А. М. Антихрист как технология / А. Ильницкий. — Текст : электронный // Парламентская газета. — 2024 (б). — № 5 (февраль). — URL: <https://www.pnp.ru/politics/antikhris-kak-tehnologiya.html> (дата обращения: 02.04.2025).
5. Никольский, Л. Б. Синхронная социоллингвистика. Теория и проблемы / Л. Б. Никольский. — Москва : Наука, 1976. — 168 с. — Текст : непосредственный.
6. Рус-Брюшинина, И. В. К вопросу отражения социально-философских проблем общества в языковой картине мира / И. В. Рус-Брюшинина, Н. Ю. Зимина. — Текст : непосредственный // Родной язык: проблемы теории и практики преподавания. — Борисоглебск : [б. и.], 2009. — 288 с.
7. Руссо, Л.-Ж. Разработка и проведение в жизнь языковой политики / Л.-Ж. Руссо. — Текст : непосредственный // Языковая политика в современном мире. — Санкт-Петербург : Златоуст, 2007. — С. 97–121.
8. Синельникова, Л. Н. Информационная война ad infinitum: украинский вектор / Л. Н. Синельникова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2014. — № 2 (48). — С. 95–101.
9. Соколова, Т. И. Языковая политика РФ: основные направления, проблемы и перспективы / Т. И. Соколова. — Текст : непосредственный // Социальное пространство. — 2021. — Т. 7. — № 5.
10. Сталин, И. В. Марксизм и вопросы языкознания / И. В. Сталин. — Москва : Государственное издательство «Политическая литература», 1953. — 60 с. — Текст : непосредственный.
11. Тишков, В. А. Языковая ситуация и языковая политика России (ревизия категорий и практик) / В. А. Тишков. — Текст : непосредственный // Полис. Политические исследования. — 2019. — № 3. — С. 127–144.
12. Фролов, Н. К. О ментальном пространстве славяно-русской личности / Н. К. Фролов. — Текст : непосредственный // Нравственные традиции в духовном сознании народов России. — Тюмень : Вектор Бук, 2009. — С. 200.
13. Хабарова, И. А. Разрушение традиционных семейных ценностей на примере трансформации концепта «Толерантность» в западных массмедиа / И. А. Хабарова. — Текст : непосредственный // Военно-филологический журнал. — Москва : Военный университет имени князя А. Невского Минобороны России, 2024. — № 3. — С. 120 с.
14. Харазия, Е. Т. Актуальные проблемы лингвистической безопасности / Е. Т. Харазия. — Текст : электронный // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2023. — Т. 14. — № 1. — С. 3–9. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/56FLSK123.pdf>.

15. Швейцер, А. Д. Введение в социоллингвистику / А. Д. Швейцер. — Москва : Высшая школа, 1978. — 216 с. — Текст : непосредственный.

MATERIALS

1. *Lingvističeskij enciklopedičeskij slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary] (1990). Moscow: Sovetskaya enciklopediya, 682 p. (In Russ.)
2. *The 2022 National Security Strategy* (n.d.). P. 8. Retrieved Feb. 3, 2025, from <https://common.usembassy.gov/wpcontent/uploads/sites/54/2022/10/Biden-Harris-Administration-National-security-Strategy-10/2022/pdf>

REFERENCES

1. Avrorin, V.A. (1970). *Leninskie principy yazykovoj politiki* [Lenin's Principles of Language Policy]. *Voprosy yazykoznaviya*. Moscow: Nauka, 2, 6–16. (In Russ.)
2. Ignat'eva, I.G., & Lokonova, A.E. (2023). *Sposoby skrytogo yazykovogo vozdejstviya na soznanie (na primere pechatnykh tekstov SMI političeskogo haraktera)* [Methods of Hidden Linguistic Influence on Consciousness (Based on Printed Texts of Political Media)]. *Kazanskaya nauka*, 6, 20. (In Russ.)
3. Il'nickij, A.M. (2024). *Civilizacionnye aspekty mental'noj vojny* [Civilizational Aspects of Mental Warfare]. *Voennyj akademicheskij zhurnal*, 1, 5. (In Russ.)
4. Il'nickij, A.M. (2024, Febr.). *Antikhris kak tehnologiya* [Antichrist as a Technology]. *Parlamentskaya gazeta*, 5. Retrieved Apr. 2, 2025, from <https://www.pnp.ru/politics/antikhris-kak-tehnologiya.html> (In Russ.)
5. Nikol'skij, L.B. (1976). *Sinhronnaya sociolingvistika. Teoriya i problemy* [Synchronous Sociolinguistics. Theory and Problems]. Moscow: Nauka, 168 p. (In Russ.)
6. Rus-Bryushinina, I.V., & Zimina, N.Yu. (2009). *K voprosu otrazheniya social'no-filosofskikh problem obshchestva v yazykovoj kartine mira* [On the Reflection of Social and Philosophical Problems of Society in the Language Picture of the World]. *In Rodnoj yazyk: problemy teorii i praktiki prepodavaniya*. Borisoglebsk, 288 p. (In Russ.)
7. Russo, L.-Zh. (2007). *Razrabotka i provedenie v zhizn' yazykovoj politiki* [Development and Implementation of Language Policy]. *In Yazykovaya politika v sovremennom mire* (pp. 97–121). St. Petersburg: Zlatoust. (In Russ.)
8. Sinel'nikova, L.N. (2014). *Informacionnaya vojna ad infinitum ukrainskij vektor* [Information warfare ad infinitum: Ukrainian way]. *Political Linguistics*, 2(48), 95–101. (In Russ.)
9. Sokolova, T.I. (2021). *Yazykovaya politika RF: osnovnye napravleniya, problemy i perspektivy* [Language policy of the Russian Federation: main directions, problems and prospects]. *Social'noe prostranstvo*, 7(5). (In Russ.)
10. Stalin, I.V. (1953). *Marksizm i voprosy yazykoznaviya* [Marxism and issues of linguistics]. Moscow: Politicheskaya literatura, 60 p. (In Russ.)
11. Tishkov, V.A. (2019). *Yazykovaya situaciya i yazykovaya politika Rossii (reviziya kategorij i praktik)* [Language situation and language policy of Russia (revision of categories and practices)]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 3, 127–144. (In Russ.)
12. Frolov, N.K. (2009). *O mental'nom prostranstve slavyano-russkoj lichnosti* [On the mental space of the Slavic-Russian personality]. *In Nравstvennye tradicii v dukhovnom soznanii narodov Rossii*. Tyumen': Vektor Buk, 200 p. (In Russ.)
13. Habarova, I.A. (2024). *Razrushenie tradicionnykh cemejnykh cennostej na primere transformacii koncepta "Tolerantnost" v zapadnykh massmedia* [Destruction of traditional family values on the example of the transformation of the concept of "Tolerance" in Western mass media]. *Voенно-filologičeskij zhurnal*, 3, 120 p. (In Russ.)
14. Haraziya, E.T. (2023). *Aktual'nye problemy lingvističeskoj bezopasnosti* [Actual problems of linguistic security]. *Mir nauki. Sociologiya, filologiya, kul'turologiya*, 14(1), 3–9. Retrieved from <https://sfk-mn.ru/PDF/56FLSK123.pdf> (In Russ.)
15. Shvejcer, A.D. (1978). *Vvedenie v sociolingvistiku* [Introduction to sociolinguistics]. Moscow: Vyssh. shk., 216 p. (In Russ.)